

С. И. РЯБОКОНЬ

РОЛЬ ФРАНЦИИ В СОЗДАНИИ БАЛКАНСКОЙ АНТАНТЫ (1933 — февраль 1934 г.)

Вопрос о создании Балканского пакта — военно-политического блока в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии, образовавшегося в феврале 1934 г., привлекает внимание историков социалистических стран¹. Однако в советской исторической литературе причины и факторы, способствовавшие возникновению Балканского пакта, роль империалистических держав, и прежде всего Франции, в образовании этой группировки балканских стран, отношение к ней Советского правительства раскрыты еще недостаточно. Эти проблемы рассматриваются лишь в нескольких статьях, в остальных же работах раскрывается лишь значение образования Балканской Антанты².

Буржуазные историки фальсифицируют историю международных отношений накануне второй мировой войны, пытаются оправдать политику попустительства фашистской агрессии, проводившуюся западными державами, замалчивают борьбу СССР за

¹ А. Кузманова. Румъния и дипломатическата подготовка на Балканския пакт. — «Исторически преглед», 1970, кн. 3; З. Мичева. Балканският пакт и българо-югославските отношения. — «Исторически преглед», 1971, кн. 4; К. Манчев. България и дипломатическата активност на 1934 г. — В об.: Балкански поуучвания XX век. София, 1972; К. Манчев и В. Бистрицки. Българо-югославското сближение и Чехословакия (1933—1937 гг.). — «Исторически преглед», 1968, кн. 4; В. Бистрицки. България и возникновение Балканской Антанты. — „Actes du premier congres international des etudes balkaniques et Sud-Est-Europeenes“ 5. Histoire.

Sofia, 1970; V. Bystrický. Vznik Balkánskej Dohody a ceskoslovenska zahranična politika. — „Historický časopis“, XV, 3, 1967; V. Bystrický. Nove tendencie v zahraničnej politike balkanských štátov začiatkom 30 rokov. — „Slovanské studie“, X, Bratislava, 1968; E. Campus. Întelegerea Balcanică. Bucuresti, 1972; Cr. Popisteanu. Romania si Antanta Balcanica. Bucuresti, 1968.

² И. С. Кашкин. Балканские конференции (1930—1934). М., 1966; Он же. Балканские конференции. Образование Балканской Антанты. (1930—1934). — «Славянский сборник». Саратов, 1972, стр. 3—37; С. И. Рябоконт. Образование Балканской Антанты и позиция Болгарии. — «Международные отношения в новейшее время», вып. 1. Свердловск, 1966; И. Н. Чемпалов. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. — «Уч. зап. Уральского ун-та», вып. 25. Свердловск, 1958; В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938). М., 1966; История второй мировой войны, т. 1. М., 1973.

обуздание агрессоров путем создания системы коллективной безопасности в Европе³.

В данной статье ставится задача показать роль Франции в создании Балканской Антанты.

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. обострилась борьба германских, итальянских, французских и английских империалистов за господство в Дунайском бассейне. В годы кризиса усилился натиск германского империализма на придунайские и балканские страны. Первым шагом на пути к установлению германского господства в Дунайском бассейне было заключение в марте 1931 г. австро-германского соглашения о таможенном союзе. Однако сопротивление Франции, Чехословакии и Италии сорвало попытку «экономического аншлюса» Австрии.

Германская экспансия на Балканах особенно усилилась после захвата Гитлером власти в Германии. В агрессивных планах гитлеровцев балкано-дунайским странам отводилась роль продовольственной и сырьевой базы Германии. Бывший американский посланник в Вене Мессерсмит свидетельствовал на Нюрнбергском процессе: «В 1933 г., когда я находился на службе в Германии... нацисты... открыто признавали намерение Германии установить господство над всей Юго-Восточной Европой от Чехословакии до Турции»⁴.

Экономический кризис 1929—1933 гг. привел к ослаблению позиций французского империализма в Дунайском бассейне. Этому способствовал подрыв Германией и Италией французской системы союзов в Юго-Восточной Европе. «Мы, как и Италия, заинтересованы в ослаблении Малой Антанты и, следовательно, французской системы союзов», — говорилось в одном из циркуляров германского МИД, относящихся к февралю 1933 г.⁵

По мере роста кампании за пересмотр территориальных и военных статей мирных договоров в Германии, Италии и малых побежденных странах — Венгрии, Австрии и Болгарии, в странах Малой Антанты усиливалось стремление к укреплению взаимных военных, экономических и политических связей. Эта тенденция подталкивалась также готовностью Англии и Франции к уступкам Германии и Италии в вопросе ревизии мирных договоров. «Организационный пакт» Малой Антанты, подписанный 16 февраля 1933 г., имел явно «антиитальянский, антигерманский, антиревизионистский и проверсальский характер»⁶.

³ R. I. Kerner and, H. N. Howard. The Balkan conferences and the Balkan Entente. Berkeley, 1936; L. S. Stavrianos. Balkan Federations. Mass. 1944; L. S. Stavrianos. Balkan since 1453. N. Y., 1958; D. Kitsikis. Les projets d'entente balkanique. 1930—1934. — „Revue Histoire“, t. 241. Paris, 1969; B. Raditsa. Veniselos and the struggle around the Balkan pact. — „Balkan Studies“, vol. 6, N 1. Thessaloniki, 1965; N. Henderson. Water under the Bridges. L., 1945.

⁴ Нюрнбергский процесс, т. 2, М., 1958, стр. 171.

⁵ DGFP, Ser. „C“, vol. 1, N 14, p. 59.

⁶ «Известия», 1933, 18 февраля.

Страны Малой Антанты активно выступили против «пакта четырех держав», который не только предусматривал ревизию мирных договоров, но и угрожал национальной независимости малых капиталистических стран⁷.

В обстановке обострения всех противоречий империализма и роста опасности агрессии со стороны гитлеровской Германии и фашистской Италии единственным средством действительной защиты мира и интересов малых стран было предложение СССР об определении агрессора, выдвинутое в феврале 1933 г. В июле 1933 г. ряд государств, в том числе все страны Малой Антанты, подписали в Лондоне конвенцию об определении агрессора, предложенную Советским правительством⁸.

Усиление агрессивных устремлений германского и итальянского фашизма и рост ревизионизма в Венгрии и Болгарии способствовали сближению придунайских и балканских стран, заинтересованных в сохранении территориального статус-кво в Юго-Восточной Европе и ориентировавшихся в своей внешней политике главным образом на Францию. Активизация германской и итальянской экспансии на Балканах заставила французское правительство летом и осенью 1933 г. усилить свою деятельность по укреплению экономических и политических позиций в Юго-Восточной Европе. Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе с тревогой указывал министру иностранных дел Франции на «активность», развиваемую германскими промышленными кругами на Балканах, прежде всего в Румынии⁹.

Франция стремилась не только укрепить свои позиции в Малой Антанте, но и привлечь новые балканские государства, в том числе и Болгарию, в сферу своего влияния. В августе 1933 г. в Софию прибыл французский министр иностранных дел Э. Эррио, который встречался с болгарским премьер-министром Мушановым¹⁰. Французская дипломатия рассчитывала создать блок балканских стран с целью противодействия быстро растущему проникновению гитлеровской Германии и фашистской Италии на Балканы. Франция особенно поощряла сближение между Болгарией и Югославией, рассматривая его как первый шаг на пути к созданию Балканского пакта. Французский министр иностранных дел Поль-Бонкур в ответ на просьбу болгарского царя Бориса предоставить заем Болгарии, сделанную во время визита в Париж в сентябре 1933 г., дал понять, что благосклонность Фран-

⁷ С. И. Рябконов. Позиция Малой Антанты в период переговоров о «пакте четырех». — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 2. Свердловск, 1973; Т. А. Кургуныян. «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия. — «Советское славяноведение», 1973, № 3.

⁸ Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР), т. 16, № 218, стр. 403.

⁹ Documents Diplomatiques Français 1932—1939. I ser., t. 4, N 146, p. 250—251 (DDF, I ser.)

¹⁰ З. Мичева. Балканский пакт и българо-югославските отношения.

ции будет зависеть от изменения болгарской политики в отношении Югославии. При посредничестве Поль-Бонкура 18 сентября 1933 г. на белградском вокзале состоялась встреча между царем Борисом и югославским королем Александром¹¹. В беседе с французским посланником в Белграде Наджиаром король Александр подчеркнул, что он согласился на встречу с царем Борисом «в соответствии с советами» Поль-Бонкура, несмотря на «недоверие», которое вызывали политика болгарского правительства и «лично болгарский монарх». В ходе беседы царь Борис заявил, что он «искренне желает соглашения с Югославией». Югославский король указал, что он «тоже разделяет это желание» и готов «предоставить все гарантии», но добавил, что «политика Югославии и Болгарии должна быть основана на уважении границ»¹².

В конце октября 1933 г. в результате визита румынского министра иностранных дел Титулеску в Софию, Анкару, Афины и Белград стало ясно, что правительства Турции, Греции, Югославии и Румынии были склонны подписать Балканский пакт. Французский посланник в Афинах докладывал в Париж, что Титулеску «сформулировал предложение о Балканском пакте, состоящем из четырех или пяти стран»¹³. Одновременно и турецкое правительство в октябре 1933 г. выдвинуло свой проект «Балканского Локарно» в составе четырех или пяти стран, если Болгария присоединится к нему¹⁴. Турецкий премьер-министр Исмет-паша в беседе с советским полпредом в Анкаре Сурицем подчеркивал, что «по двум основным проблемам, занимающим в настоящее время внимание всего мира — проблеме ревизионизма и проблеме разоружения — у Турции намечаются сильнейшие расхождения с германо-итальянской группировкой и точки соприкосновения с борющейся с ней французской»¹⁵.

Подготовка пакта активно поощрялась Францией. По замыслам руководителей Кэд Орсе, Балканский пакт должен был дополнять Малую Антанту и вместе с ней способствовать усилению французского влияния в Дунайском бассейне и на Балканах. Однако участие Румынии и Югославии в создаваемом пакте угрожало изоляцией Чехословакии¹⁶. Правительства Румынии и Югославии могли договориться с гитлеровской Германией, и это привело бы к развалу Малой Антанты. Кроме того, под давлением Англии, стремившейся ослабить французскую систему союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе и проводившей политику сговора с Германией за счет Австрии и Чехословакии, Румыния и Югославия могли пойти на укрепление связей с Турцией и Греци-

¹¹ DDF, I ser., t. 4, N 225, p. 381.

¹² Ibidem.

¹³ DDF, I ser., t. 5, N 8, p. 11.

¹⁴ Ibid., N 110, p. 212.

¹⁵ ДВП СССР, т. 17, № 1, стр. 13—14.

¹⁶ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. М., 1959, стр. 321.

ей и тем самым изолировать Чехословакию перед лицом Германии, хорватской Венгрии и панской Польши. Известный мюнхенец Н. Гендерсон, который в начале тридцатых годов был английским посланником в Белграде, признает в своих мемуарах, что он активно содействовал развитию последней тенденции¹⁷.

Советский полпред в Риме Потемкин в беседе со статс-секретарем МИД Италии Сувичем подчеркивал, что Англия, «принявшая на себя обязанности гаранта франко-германских границ, отнюдь не склонна активно участвовать в охране территориального статус-кво в Восточной Европе», что она «не противодействует вооружениям Германии, предоставляет ей свободу рук на Востоке»¹⁸.

Поддерживая сближение между Софией и Белградом, французское правительство надеялось вовлечь Болгарию в проектируемый Балканский пакт. Газета «Тан» выражала надежду, что после визита Титулеску в Софию «удалось продвинуть проект Балканского Локарно»¹⁹. Однако когда Франции пришлось выбирать между болгаро-югославским сближением и четырехсторонним пактом балканских стран, она предпочла последний. Французский посол в Москве Альфан в донесении Поль-Бонкуру от 22 октября 1933 г. подчеркивал, что переговоры и соглашения между руководителями балканских стран «являются новым доказательством волнения, вызванного в Восточной Европе пактом четырех, и стремления последней реагировать против этих тенденций — особенно против... итальянской экспансии». Альфан указывал, что «первая цель четырех балканских стран состоит в том, чтобы ограничить свободу маневра Болгарии, рассматриваемой как наиболее активный элемент политики окружения, которую Италия проводит в отношении с Югославией с целью ослабить последнюю, обеспечить гегемонию и продолжить свою экспансию в направлении Восточного Средиземноморья и Черного моря». В ходе второго этапа, по мнению Альфана, Турция, Греция, Румыния и Югославия «пытаются включить Болгарию... в сеть пактов»²⁰.

В качестве примера первой тенденции Альфан назвал турецко-греческий, турецко-румынский и турецко-югославский пакты, а для подтверждения второй тенденции указал на «действия, предпринимаемые Тевфик Рюшту-беем в Софии», и болгаро-югославское сближение, причем подчеркнул роль Анкары, которая «связывает все нити этой сети переговоров, главным вдохновителем которых является Тевфик Рюшту-бей». В заключение Альфан отмечал, что действия турецкого министра иностранных дел «усиливают дипломатическую позицию Турции, которая может использовать переговоры для укрепления своих опорных пунктов на востоке» и сумеет обрести «большую свободу действий в отношении СССР»²¹.

¹⁷ N. Henderson. *Water under the Bridges*, p. 186.

¹⁸ ДВП СССР, т. 117, № 196, стр. 385.

¹⁹ ОРФ ИИ АН СССР. Д. 7, пакет 7.

²⁰ DDF, I ser., t. 4, N 349, p. 626—628.

²¹ Ibidem.

Осенью 1933 г. французская дипломатия продолжала всячески содействовать созданию Балканского пакта и одновременно поощрять болгаро-югославское сближение. В конце ноября 1933 г. болгарский посланник в Анкаре Антонов заявил французскому послу в Турции Каммереру, что Болгария «не может заключить соглашения без получения от Греции выхода к Эгейскому морю», но будет продолжать сближение с Югославией. В ответ Каммерер подчеркнул, что «Франция является сторонником всякого сближения и тем более болгаро-югославского»²². Сближение между Софией и Белградом, по словам Каммерера, «соответствует нашим интересам во всех отношениях; даже если оно будет изолированным, потому что наши интересы на Ближнем Востоке являются не менее важными, чем интересы в Центральной Европе. Сближение усилит Югославию против Италии и Венгрии». Вместе с тем Каммерер дал понять Антонову, что Франция предпочитает «общее соглашение». «Было бы лучше, — заявил посол, — если бы Болгария вступила в общеебалканское соглашение»²³. Такие же советы давал болгарскому правительству французский посланник в Софии Камбон, а югославскому — Наджиар. «Дружеский контакт» между Софией и Белградом, по мнению Наджиара, способствовал бы «укреплению мира и балканского статус-кво»²⁴. Наджиар высказывался за подписание Балканского пакта, который, по его мнению, будет «эффективной гарантией мира на Балканах и в Центральной Европе»²⁵.

Визит царя Бориса и болгарского премьер-министра Мушанова в Белград 10—11 декабря 1933 г. рассматривался в Париже как свидетельство создающегося Балканского пакта. Дипломатический обозреватель газеты «Нотидьен» писал: «Сближение между Софией и Белградом делает возможной Балканскую Антанту, образованию которой всячески препятствовала Италия. Излишне говорить, что улучшение болгаро-югославских отношений целиком совпадает с традициями французской политики на Балканах и может встретить со стороны Франции только положительное отношение»²⁶.

В середине декабря 1933 г. правительства Греции, Турции, Румынии и Югославии достигли принципиального согласия о подписании Балканского пакта. Система дружеских договоров между Анкарой, Белградом, Бухарестом и Афинами создавала предпосылки для возникновения пакта, целью которого была гарантия границ на Балканах.

В конце декабря 1933 — начале января 1934 г. греческий министр иностранных дел Максимос совершил визит в Рим, Париж и Лондон. Цель визита состояла в том, чтобы выяснить отношение

²² DDF, I ser., t. 4, N 371, p. 661—662.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., t. 5, p. 210.

²⁵ Ibid., t. 5, p. 212.

²⁶ ОРФ ИИ АН СССР. Архив газетных вырезок. 1933. Д. 14, пакет 7.

великих держав к созданию Балканского пакта. В Риме Максимос встретился с Муссолини. Создание балканского антиревизионистского блока не соответствовало агрессивным планам фашистской Италии на Балканах. По словам турецкого премьер-министра Исмет-паши, политика Италии на Балканах характеризовалась «стремлением к господству, к подчинению своей воле более слабых стран... Давление Италии... чувствуется на каждом шагу, в особенности в ее отношениях с Болгарией, на которую, по-видимому, Италия сейчас делает главную ставку»²⁷.

Муссолини не высказал никакого одобрения Балканскому пакту и упрекал греческое правительство за намерение принять в нем участие²⁸.

Важной частью поездки Максимоса был визит в Париж и Лондон. Французское правительство не только выразило одобрение созданию блока балканских стран, но и указало на необходимость привлечения в нее Болгарии²⁹. Французская газета «Тан» в передовой статье, посвященной подготовке Балканского пакта, рекомендовала балканским странам «следовать примеру Малой Антанты» и выражала надежду, что «Балканский блок... будет служить препятствием для всякой ревизии территориальных статей мирных договоров»³⁰.

В Лондоне Максимосу дали понять, что Англия не одобряет региональную Антанту на Балканах, под предлогом отказа Болгарии участвовать в ней³¹. Французским усилиям создать Балканский пакт Англия противопоставила политику сближения Югославии с Турцией через Болгарию, с тем чтобы разделить Балканы линией Белград—София—Анкара. Укрепление связей между южным звеном Малой Антанты и Турцией и Грецией усиливало опасность изоляции Чехословакии и тем самым ослабляло французские позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Н. Гендерсон признает в своих мемуарах, что в период пребывания его на посту английского посланника в Белграде Форин оффис советовал ему содействовать сближению между Югославией и Болгарией даже ценой территориальных уступок за счет Македонии³².

После визита Максимоса греческое правительство стало еще активнее выступать за быстрое заключение пакта. В начале января 1934 г. Тевфик Рюштю-бей сообщил советскому полпреду в Анкаре Я. З. Суришу: «Министр иностранных дел Греции во время своего пребывания в Белграде и Париже выдвинул уже конкретный план «пакта четырех» балканских стран, по которому стороны обязуются: в интересах поддержания территориального ста-

²⁷ ДВП СССР, т. 17, стр. 14.

²⁸ DDF, I ser., t. 5, N 257, 240, p. 482.

²⁹ Cf. Popisteanu. Romania si Antanta... p. 132—133.

³⁰ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Д. 14, пакет 2.

³¹ V. Bistricky. Nove tendencie..., str. 143.

³² N. Henderson. Op. cit., p. 186.

тус-кво на Балканах «взаимно гарантировать свои балканские границы»³³.

Когда французское правительство убедилось, что Болгария не вступит в Балканский пакт, оно продолжало настаивать на создании Балканской Антанты без участия Болгарии. 16 января 1934 г. во французском сенате состоялись прения по вопросам внешней политики страны. Сенатор де Жувернель под бурные аплодисменты приветствовал франко-советское сближение и усилия французской дипломатии на Балканах. Выступивший на заседании сената Поль-Бонкур заявил, что «все усилия Франции направлены к тому, чтобы расширить... систему союзных отношений и создать таким образом систему безопасности... Мы стремимся улучшить наши отношения с Италией и СССР, а также балканскими государствами и Турцией»³⁴.

Стремление гитлеровской Германии установить свою гегемонию в Европе вызывало тревогу во Франции. Наиболее дальновидные представители правящих кругов Франции понимали важность и необходимость сотрудничества с Советским Союзом в целях обеспечения европейского мира. Еще в октябре 1933 г. французский министр иностранных дел Поль-Бонкур предложил советскому наркому иностранных дел М. М. Литвинову заключить соглашение о взаимной помощи в дополнение к советско-французскому пакту о ненападении 1932 г.³⁵

Советское правительство в ответ на предложение Франции выдвинуло свой контрпроект, предусматривавший заключение регионального пакта взаимной помощи между СССР, Францией, Чехословакией, Бельгией, Польшей и прибалтийскими странами. Подписание Восточного пакта заложило бы прочную основу для системы коллективной безопасности в Европе и преградило бы путь фашистской агрессии.

Однако советско-французские переговоры затянулись. Значительная часть реакционных и антисоветски настроенных правящих кругов Франции рассчитывала заключить сделку с Гитлером за счет СССР. Об этом свидетельствовали переговоры между французским послом в Берлине Франсуа-Понсэ и Гитлером³⁶. Проявлением подобной политики на Балканах было стремление Франции отстранить Советский Союз от участия в балканских делах путем создания нового блока малых стран Юго-Восточной Европы. Французская инициатива была благожелательно воспринята правительствами Румынии, Югославии, Турции и Греции.

На конференции стран Малой Антанты в Загребе 22—23 января 1934 г. было принято решение о подписании Балканского пакта

³³ ДВП СССР, т. 17, примечание 16, стр. 767.

³⁴ «Известия», 1934, 18 января.

³⁵ ДВП СССР, т. 16, № 332, стр. 595.

³⁶ DGFP, ser. „C“, vol. 5, N. 86, p. 169—170.

без участия Болгарии³⁷. Югославский министр иностранных дел Ефтич предложил предусмотреть возможность вступления в пакт Болгарии и Албании³⁸. Югославское правительство опасалось, что фашистская Италия использует Албанию как плацдарм для нападения на Югославию и поэтому было заинтересовано в гарантии албано-югославской границы. Король Александр был недоволен позицией греческого правительства, выступавшего против гарантии албано-югославской границы, опасаясь конфликта с Италией³⁹. Франция же настаивала на скорейшем заключении Балканского пакта. В инструкции Поль-Бонкура французскому поверенному в делах в Анкаре от 23 января 1934 г. содержалось указание использовать все влияние, чтобы избежать провала в создании пакта⁴⁰. Югославский министр иностранных дел Ефтич внес предложение дополнить политический пакт статьями о военных гарантиях. Правительство Югославии предлагало также ограничить действие пакта пятью годами. Титулеску согласился принять это ограничение для военной конвенции, но выступил против ограничения срока действия пакта. Титулеску настоял на том, чтобы пакт был заключен как можно скорее, даже и без участия Болгарии⁴¹. Постоянный совет Малой Антанты пришел к выводу, что пакт должен быть дополнен военными статьями и будет сделано все, чтобы облегчить вступление в него Болгарии и Албании⁴². Титулеску подчеркивал, что Балканский пакт «не может не иметь военного значения... Для Румынии пакт имеет значение в отношении Болгарии, ибо со стороны Венгрии она прикрыта Малой Антантой»⁴³.

В ответ на предложение четырех балканских стран присоединиться к Балканскому пакту Болгария предложила заключить с соседними странами двусторонние пакты о ненападении, по образцу германо-польского договора 1934 г.⁴⁴ Таким путем она стремилась выйти из дипломатической изоляции и одновременно воспрепятствовать созданию пакта, гарантирующего статус-кво на Балканах.

Таким образом, болгарское правительство вместо общевосточного пакта выдвигало, под влиянием Германии и Италии, идею заключения двусторонних договоров, оставлявших открытым вопрос о территориальной ревизии⁴⁵.

Новая попытка привлечь Болгарию в Балканский пакт была сделана во время визита царя Бориса и Мушанова в Румынию

³⁷ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Иностранная телеграфная информация ТАСС. Д. 14, пакет 2.

³⁸ DDF, I ser., t. 5, N 240, p. 483.

³⁹ Ibid., N 254, p. 500—501.

⁴⁰ Ibid., N 258, p. 505—506.

⁴¹ DDF, I ser., t. 5, p. 522—523.

⁴² V. Bystricky. Nove tendencie..., str. 145.

⁴³ ДВП СССР, т. 17, № 57, стр. 148—149.

⁴⁴ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Иностранная телеграфная информация ТАСС. Д. 14, пакет 2.

⁴⁵ Там же.

25 января 1934 г. В качестве возможной компенсации за вступление Болгарии в пакт Титулеску обещал некоторые экономические выгоды, разрешение спорных болгаро-румынских вопросов и прежде всего вопроса о строительстве моста через Дунай. Мушанов ответил, что Болгария не подпишет проектируемый пакт, потому что он противоречит ст. 19 устава Лиги наций и что Болгария не может отказаться от тех «прав», которые ей гарантируют мирные договоры и ее принадлежность к Лиге наций⁴⁶. Переговоры в Бухаресте закончились безрезультатно, несмотря на то, что французский посланник Ормессон активно содействовал этим переговорам. Царь Борис в беседе с Ормессоном в Синае отметил активную поддержку Франции балканского сближения и заявил, что его визит в Румынию является одним из его этапов⁴⁷.

Окончательно текст пакта был выработан министрами иностранных дел Румынии, Югославии, Греции и Турции в Белграде 2—4 февраля 1934 г.⁴⁸ Ст. 1 Балканского пакта предусматривала, что Румыния, Турция, Греция и Югославия «взаимно гарантируют безопасность всех своих балканских границ». В ст. 8 неопубликованного дополнительного протокола к пакту, в котором договаривающиеся стороны уточняли содержание взятых на себя обязательств, вновь подчеркивалось, что «сохранение установленного в настоящее время территориального порядка на Балканах является окончательным для договаривающихся стран»⁴⁹. В дополнительном секретном протоколе № 2 к Балканскому пакту уточнялось, что под термином «территориальный порядок» нужно подразумевать балканские границы, «т. е. границы между Румынией и Болгарией, Румынией и Югославией, Албанией и Югославией, Албанией и Грецией, Югославией и Грецией, Югославией и Болгарией, Грецией и Болгарией, Грецией и Турцией, Турцией и Болгарией»⁵⁰.

Ст. 2 Балканского пакта обязывала Румынию, Турцию, Югославию и Грецию «не предпринимать никаких политических акций в отношении какого-нибудь другого балканского государства, которое не подписало соглашения, без предварительного предупреждения остальных участников Балканской Антанты и без их согласия»⁵¹. Эта статья была направлена против сепаратного болгаро-югославского сближения. Другим важным вопросом был вопрос о заключении военных конвенций на случай агрессии против какой-либо из договаривающихся стран. В них была особенно заинтересована Югославия, опасавшаяся нападения Италии с территории Албании. Поэтому Белград настаивал на гарантии

⁴⁶ DDF, I ser., t. 5, N 284, p. 547—548; ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Д. 14, пакет 2; п. 6а.

⁴⁷ DDF, I ser., t. 5, N 284, p. 548.

⁴⁸ DDF, I ser., t. 5, N 329, p. 626—627.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ А. Кузманова. Румыния и дипломатическая подготовка на Балканский пакт, стр. 28—29.

⁵¹ DDF, I ser., t. 5, N 329, p. 639.

югославо-албанской границы и на военных санкциях против возможной агрессии⁵². Однако греческое правительство боялось, как бы заключение Балканского пакта не вовлекло Грецию в конфликт с Италией. Оппозиция во главе с Венизелесом подвергла резкой критике пакт⁵³. Поэтому, в конечном счете, участники приняли компромиссное решение: дополнительный секретный протокол № 2 к пакту гарантировал границы Югославии с Албанией, но военные конвенции не были подписаны. Ст. 4 протокола к Балканскому пакту обязывала договаривающиеся стороны в течение шести месяцев начать переговоры о заключении конвенций, обеспечивающих осуществление целей, преследуемых Балканским пактом, а в дополнительном секретном протоколе № 1 уточнялось, что прежде всего будут заключены военные конвенции. Одновременно в ст. 3 протокола к Балканскому пакту подчеркивалось, что при агрессии, совершенной небалканским государством и поддержанной балканским, Балканский пакт должен быть применен только против балканского государства. Это означало, что взаимная помощь оказывалась лишь в случае нападения балканского государства, например, Болгарии, на одного из участников, но последние не были обязаны оказывать друг другу помощь в случае агрессии только небалканских государств. Однако участники Балканского пакта могли быть косвенно втянуты в конфликт с империалистическими державами в том случае, если балканская страна предприняла бы агрессию в союзе с небалканским государством. Было уточнено, что агрессором будет считаться всякая страна, которая бы совершила любое из агрессивных действий, определенных в ст. 2 Лондонской конвенции от 3 и 4 июля 1933 г. (ст. 1 протокола к пакту)⁵⁴.

При обсуждении текста Балканского пакта между королем Александром и Титулеску возникли разногласия по вопросу о сроке его действия. Титулеску предложил, чтобы пакт был заключен на 15—20 лет, а югославский король соглашался подписать пакт только на 5 лет. Югославское правительство не хотело отказываться от возможности улучшить свои отношения с Болгарией и Италией⁵⁵.

4 февраля 1934 г. министры иностранных дел Югославии, Румынии, Турции и Греции парафировали Балканский пакт. 9 февраля в Афинах от имени румынского, греческого, турецкого и югославского правительств Титулеску, Максимос, Рюштю-Бей и Ефтич официально подписали Балканский пакт⁵⁶. Объединив только часть

⁵² V Bistricky. Nove tendencie..., str. 146—147.

⁵³ B. Raditsa. Op. cit.; ОПФ ИИ АН СССР. Д. 114, пакет 2.

⁵⁴ DDF, I ser., t. 5, N 329, p. 627.

⁵⁵ Ibid., N 403, p. 753; А. Кузманова. Румъния и дипломатическата подготовка..., стр. 30.

⁵⁶ DDF, I ser., t. 5, N 351, p. 661—662.

балканских государств, Балканская Антанта по существу была орудием французской политики, тем более, что два ее участника (Румыния и Югославия) входили одновременно в Малую Антанту. Созданная при поощрении и активном содействии Франции Балканская Антанта имела целью сохранение территориального статус-кво на Балканах и была направлена не только против Болгарии, но и против проникновения гитлеровской Германии и фашистской Италии в Юго-Восточную Европу.

Естественно, что французское правительство приветствовало⁵⁷ подписание пакта. В телеграмме премьер-министра и министра иностранных дел Франции Даладье посланнику в Афинах от 4 февраля 1934 г. подчеркивалось, что Балканский пакт «должен способствовать... укреплению мира» на Балканах⁵⁷. В донесении из Белграда от 6 февраля Наджиар сделал вывод, что пакт выгоден Франции, так как он «кристаллизует нынешнее статус-кво на Балканах», затрудняет вмешательство небалканских стран в балканские дела и поэтому Италия «не может быть расположена к пакту, который создает против ревизионизма солидарность четырех стран полуострова». По мнению Наджиара, «косвенно и Германия не может не чувствовать себя затронутой, потому что договор, во-первых, усиливает антиревизионистский фронт, и, во-вторых, отстраняет ее от полуострова, опираясь на который Третий рейх стремится предпринять через Дунайскую Европу марш на Восток»⁵⁸.

Одобрение Балканскому пакту выказывала и газета «Тан», которая расценивала его как «укрепление позиций Малой Антанты и всех стран, верных поддержанию статус-кво»⁵⁹. Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш тоже считал, что «Балканский пакт сильно укрепляет Малую Антанту... Итальянская экспансия на Балканах и в Среднюю Европу сильно ограничена Балканским пактом и Малой Антантой»⁶⁰. Бенеш надеялся, что новый пакт будет способствовать расширению сферы влияния Чехословакии на Балканах. Однако его расчеты не оправдались, так как участие южного звена Малой Антанты в новом блоке создавало опасность изоляции Чехословакии и ослабляло французское влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе, чего добивалась Англия.

Официально британское правительство не протестовало против пакта, но фактически отнеслось к нему неодобрительно. Турецкий министр иностранных дел Рюшю-бей в беседе с советским полпредом в Греции Давтяном заявил, что в ходе переговоров о Балканском пакте против него создан «единый фашистский фронт (т. е. Болгария, Германия, Италия) и что Англия также очень решительно мешала этому делу». Рюшю-бей доказывал, что

⁵⁷ Ibid., N 327, p. 620.

⁵⁸ Ibid., N 336, p. 640.

⁵⁹ „Le Temps“, 5 février 1934.

⁶⁰ ДВП СССР, т. 17, № 48, стр. 123.

«Англия стремится создать из Болгарии плацдарм против проливов и Турции, отсюда и требование Болгарии о выходе к Эгейскому морю». Он несколько раз повторил, что «Англия работает против него и всячески пыталась саботировать соглашение о пакте»⁶¹.

Британский министр иностранных дел Саймон, выступая в парламенте по вопросу о создании Балканского пакта, заявил, что английское правительство одобрило бы только такой пакт, который не направлен против других стран, и что оно желало бы, чтобы условия пакта позволили обеспечить присоединение Болгарии⁶². Хотя в данном заявлении конкретно упоминалась Болгария, правительство Англии подразумевало прежде всего крупные ревизионистские страны — Германию и Италию⁶³. 5 февраля 1934 г. английское правительство направило ноту европейским капиталистическим странам, в которой выразило недовольство Балканским пактом под тем предлогом, что он не включает в себя Болгарию⁶⁴.

Создание Балканской Антанты с враждебностью было встречено в гитлеровской Германии. Берлин был заинтересован в развале французской системы союзов, а вновь созданный пакт способствовал укреплению позиций Франции на Балканах. По сообщению ТАСС, «подписание Балканского пакта было встречено в Берлине с недовольством ввиду его явно антиревизионистского характера». Германская печать усматривала в пакте выражение изоляции Германии и усиление французского влияния на Ближнем Востоке. По мнению обозревателя нацистской газеты «Дер Таг», «Балканский пакт укрепляет влияние Малой Антанты и Франции на Ближнем Востоке. Он усиливает лагерь антиревизионистов»⁶⁵. Газета «Ан-грифф» резко критиковала пакт, заключенный с одобрения дипломатов Парижа⁶⁶.

Дипломатия Германии оказывала давление на Болгарию и другие балканские страны, пытаясь сорвать подписание Балканского пакта и не допустить участия в нем Болгарии. После возникновения Балканской Антанты германский посол в Турции в беседе с Рюштю-беем заявил, что «участие Турции в пакте вынуждает Германию относиться к ней враждебно». Германский министр иностранных дел Нейрат подчеркнул в разговоре с румынским посланником, что «Балканский пакт в его нынешней редакции является регрессором в эволюции европейской политики»⁶⁷. Официально германское МИД пыталось сделать вид, будто Германия «не заинтересована непосредственно в чисто политических событиях на Балканах» и что она «нейтральна по отношению к пакту». Однако

⁶¹ Там же, № 4, стр. 119—120.

⁶² ОРФ ИИ АН СССР 1934. Д. 14, пакет 2.

⁶³ Выступление П. Арсова, опубликованное в сборнике *premier „Actes du congres international...“*, p. 219.

⁶⁴ „Le Temps“, 11 fevrier 1934.

⁶⁵ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Д. 14, пакет 2.

⁶⁶ „Les Balkans“, vol. 5, 1934, p. 99.

⁶⁷ Сг. Popisteanu. Op. cit., p. 142.

гитлеровцы не могли скрыть своего раздражения пактом, который «будет способствовать усилению политической напряженности на Балканах», так как он «не содержит ничего нового, что было бы приемлемо в Болгарии. В этих обстоятельствах пакт должен рассматриваться как рецидив старых методов союзов и сильных группировок»⁶⁸.

В то же время Германия поддерживала двустороннее болгаро-югославское сближение, рассматривая его как средство ослабления Малой и Балканской Антант и французского влияния в Дунайском бассейне. В этом отношении интересы Германии и Англии совпадали. Софийский корреспондент германской газеты «Гамбургер Фремденблат» подчеркивал, что «сближение Болгарии с Югославией означает усиление отрицательной позиции Болгарии в отношении Балканского пакта»⁶⁹. Во время визита царя Бориса в Берлин 1 марта 1934 г. Нейрат одобрил отказ Болгарии вступить в Балканский пакт, но высказался за «ослабление политической напряженности между Сербией и Болгарией»⁷⁰. В Берлине царю Борису был оказан торжественный прием, хотя визит носил «частный характер». Он встречался с Гинденбургом, Герингом, Геббельсом, Папенем и был принят Гитлером⁷¹. Официоз германского МИД «Дейче дипломатиш-корреспондентц» отмечал, что приезд царя Бориса в Берлин и переговоры с Гитлером и Нейратом «о нынешнем положении в Европе объясняется существующей между Берлином и Софией дружбой». Официоз приветствовал отказ Болгарии от подписания конвенции об определении агрессора и от присоединения к Балканскому пакту и, намекая на Францию, со злорадством отмечал, что финансовым давлением и угрозами изоляции Болгарию не удалось «столкнуть с того пути, по которому она считает нужным идти»⁷². На обратном пути из Берлина царь Борис в беседе с Ефтичем не скрывал «хорошего впечатления, которое он получил от встреч с Гитлером и Геббельсом» и заверил собеседника, что «принял их советы следовать политике дружбы с Югославией»⁷³.

Завершение переговоров о создании Балканской Антанты вызвало недовольство и в фашистской Италии, которая расценивала ее как орудие Франции и препятствие на пути к расширению своего влияния на Балканах. Греческий премьер-министр Цалдарис сообщил французскому посланнику в Афинах, что итальянский посланник России «энергично протестовал против духа пакта»⁷⁴. Советский полпред в Италии Потемкин сообщал из Рима в Москву в начале 1934 г.: «Консолидация Малой Антанты... активизация

⁶⁸ DGFP, ser. „C“, vol. 2, N 246, p. 463.

⁶⁹ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Д. 14, пакет 66.

⁷⁰ DGFP, ser. „C“, vol. 2, N 291, p. 547—548.

⁷¹ ОРФ ИИ АН СССР. 1934. Д. 14, пакет 66.

⁷² Там же.

⁷³ DDF, I ser., t. 5, N 466, p. 883.

⁷⁴ Ibid., N 323, p. 618.

французского влияния на Балканах, сближение Югославии с Турцией и Болгарией, подготовка пакта между Турцией, Грецией, Югославией и Румынией... наконец, расширяющееся сотрудничество Франции с СССР вызывают в Риме все возрастающее беспокойство». Муссолини вызвал болгарскому посланнику в Риме Волкову свое недовольство «по поводу дружественной манифестации между Белградом и Софией»⁷⁵. Начальник кабинета министра иностранных дел Италии Алоизи в разговоре с Потемкиным заявил, что правительство Италии «крайне озабочено агитацией Турции в пользу балканской унии и сближения с Малой Антантой»⁷⁶. Создание Балканской Антанты было дипломатическим поражением Италии на Балканах.

Недовольство созданием Балканского пакта и сближением Турции с Малой Антантой выражало и правительство хорватской Венгрии. Венгерский посланник в Турции Юнгерт-Арноти в беседе с советским полпредом Сурицем указал на то, что в «турецкой политике сейчас назревает тенденция включиться в орбиту анти-ревизионистской французской политики... В особенности в этом отношении тревожны для Венгрии последние балканские акции турецкого правительства. Намечившийся курс сотрудничества с Малой Антантой, заостренный против Болгарии, не может не иметь отрицательного резонанса и на положение Венгрии в Центральной Европе»⁷⁷.

Балканский пакт мог стать эффективным препятствием на пути фашистской агрессии лишь в случае тесного сотрудничества его участников с главным оплотом мира в Европе — СССР. Однако правящие круги Франции, явившиеся вдохновителями пакта, как и правительства балканских стран, принявших участие в нем, были далеки от подлинного намерения сотрудничать с Советским Союзом в деле обеспечения европейского мира и стремились изолировать СССР на Балканах.

Несмотря на решение загребской конференции Малой Антанты об установлении с СССР дипломатических отношений, требовалось приложить еще немало усилий, чтобы это решение было реализовано. В беседах с Гендерсоном югославский король подчеркивал: «Непосредственную угрозу для Югославии представляет Италия, после нее идет Германия, но последней и наибольшей угрозой для всех будет Россия»⁷⁸.

В условиях роста военной опасности, усиления агрессивных действий германского и итальянского фашизма в Европе и японского милитаризма на Дальнем Востоке, открытого антисоветского курса их политики Советский Союз активизировал борьбу

⁷⁵ ДВП СССР, т. 17, № 4, стр. 24—26.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ДВП СССР, т. 17, № 12, стр. 41.

⁷⁸ H. Genderson. Op. cit., p. 182—183.

за обеспечение международной безопасности. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) и Советское правительство разработали конкретные предложения по созданию в Европе системы коллективной безопасности⁷⁹.

Советская дипломатия внимательно следила за ходом переговоров о Балканском пакте и стремилась не допустить его использования империалистическими державами в антисоветских целях, тем более, что первоначально проект пакта предусматривал гарантию внешних балканских границ. Это означало признание захвата Румынией Бессарабии. Таким образом, участие Турции в Балканском пакте вступало в противоречие с советско-турецким договором о дружбе и нейтралитете 1925 г. и создавало возможность вовлечения ее в вооруженный конфликт с СССР. 13 января 1934 г. советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов заявил итальянскому послу в Москве Аттолико «относительно Балканского пакта, что мы в нем не заинтересованы, Турцию к нему не поощряем. не высказываем никакого одобрения, но что не считаем нужным возражать против пакта»⁸⁰.

15 января 1934 г. турецкий посланник в Москве Рагиб-бей официально подтвердил, что Балканский пакт предусматривал взаимную гарантию не только границ между участниками пакта, но и всех балканских границ. М. М. Литвинов указал Рагиб-бею, что «заклучение этого пакта создает теоретически возможность для СССР и Турции очутиться в противоположных воюющих лагерях». Литвинов привел следующий пример: «Мы находимся в состоянии вооруженного конфликта с Румынией. Болгария, желая использовать создавшееся положение, атакует Румынию, что создает некоторую общность интересов и даже военную солидарность между ними и Болгарией. Турция же, в силу пакта, обязана прийти на помощь Румынии против Болгарии, т. е. стране, находящейся в состоянии войны с нами». По словам Литвинова, Рагиб-бей «сперва смутился», а затем пытался объяснить, что в случае нападения на СССР Румынии, ею будет совершено нарушение Лондонской конвенции об определении агрессора, вследствие чего Турция сможет себя считать свободной от обязательства по отношению к Румынии. Литвинов не согласился с Рагиб-беем и указал ему, что если не будет оговорки в Балканском пакте, Турция «ни в коем случае не может освободиться от своих обязательств... Другое дело, если бы в Балканском пакте была сделана оговорка, что обязательство о гарантии границ не вступает в силу в случае нарушения соответственной страной каких-либо международных соглашений, в заключении которых участвовали другие стороны»⁸¹. Рагиб-бей пытался оправдать участие Турции в Балканском пакте «желанием получить дополнительную гарантию турецко-болгар-

⁷⁹ История КПСС, т. 4, кн. 2, стр. 25.

⁸⁰ ДВП СССР, т. 17, № 13, стр. 44.

⁸¹ ДВП СССР, т. 17, № 14, стр. 44—45.

ской границы и тем самым Дарданелл, что представляет, мол, интерес» и для СССР. В ответ Литвинов заявил: «напрашивается вопрос, какая опасность ближе и реальнее: нападение слабой Болгарии на Турцию или проникновение Италии в Турцию через Болгарию или же в результате военного усиления Германии попытка ревизии границ, в том числе и болгаро-югославской». Литвинов дал понять, что последняя опасность кажется ему более реальной⁸².

Заявление Литвинова оказало определенное воздействие на позицию Турции. 27 января 1934 г. турецкий премьер-министр Исмет-паша заявил в разговоре с советским полпредом в Анкаре Сурицем: «Не может быть и речи, чтобы Турция с кем-нибудь заключила соглашение, способное в какой-либо мере ослабить связь, существующую между нашими странами». Оправдывая участие Турции в пакте, он подчеркнул, что «каждая акция турецкой внешней политики должна быть строго соизмерена с основной линией турецкой внешней политики — линией дружбы с СССР»⁸³.

Эти заверения не удовлетворили Советское правительство, и 6 февраля М. М. Литвинов направил Сурицу телеграмму: «Предложите Рюштю присоединить к пакту письменное заявление, что ни в коем случае Турция не будет считать себя обязанной принимать участие в каких-либо действиях, направленных против СССР»⁸⁴.

В тот же день Литвинов телеграфировал Сурицу: «Заявите... Исмету или Кемалю, что в нынешнем виде пакт не соответствует представлению, которое создал у нас Рюштю. Вначале мы полагали, что речь идет о пакте ненападения, затем Рюштю говорил о гарантийном пакте без военных обязательств, а теперь уже после парафирования мы узнаем, что он выходит за пределы Балкан и эвентуально гарантирует даже бессарабскую границу. Во всяком случае Турция дает Румынии дополнительную гарантию в мирное время, укрепляя этим ее позицию в возможных переговорах с нами о Бессарабии. Таким образом, пакт направлен и против нас»⁸⁵.

Резкая критика Балканского пакта советской дипломатией вынудила турецкое правительство сделать заявление о стремлении Турции к дружбе с СССР. Однако турецкая дипломатия пыталась убедить Советское правительство, что пакт не затрагивает интересов СССР, и даже представить его как «выгодный» для последнего. 6 февраля Рюштю-бей, находившийся в Афинах, посетил Давтяна и пытался доказать, что он полностью удовлетворил пожелания Литвинова, «включив в дополнительный протокол даже гораздо больше того, чем хотел т. Литвинов». Рюштю-бей заявил, что без одобрения Литвинова он не подпишет пакт. Он старался убедить Давтяна, что «сделал громадное и полезное и для СССР дело», а

⁸² ДВП СССР, т. 17, № 14, стр. 44—45.

⁸³ Там же, № 1, стр. 15.

⁸⁴ ДВП СССР, т. 17, примечание 17, стр. 767.

⁸⁵ Там же.

дополнительный протокол «полностью обеспечивает и наши интересы в случае румынской апрессии»⁸⁶.

Учитывая, что турецкое правительство уклоняется от декларации о неучастии Турции в антисоветских акциях, 7 февраля 1934 г. М. М. Литвинов направил новую телеграмму Давтяну, в которой указал, что «пакт оказался не тем, о чем раньше говорил Рюштю. Ст. 3 расширяет его действие и за чисто балканские дела. По нашему мнению, он невыгоден для Турции, подводя ее под всевозможные европейские осложнения. Достаточно сказать, что в случае действительного нападения Италии или обвинения ее в нападении на Югославию вмешательство в конфликт Болгарии вовлекает Турцию в войну с Италией и теми странами, которые будут за ней стоять»⁸⁷. Литвинова беспокоило заявление Рюштю-бею о наличии ст. 8, говорящей о взаимном признании всеми участниками пакта их границ. «Если это верно, то это означает, что Турция признает нынешнюю бессарабскую границу, против чего мы должны тоже решительно возражать». В заключение Литвинов просил об изложенном немедленно сообщить Рюштю-бею, добавив, что поскольку Турция настаивает на присоединении к Балканскому пакту, Советское правительство не будет мешать ей, но «о нашем положительном отношении к этому пакту и благоприятных комментариях в печати не может быть и речи»⁸⁸.

8 февраля полпред СССР в Греции Давтян встретился с Рюштю-беем и имел с ним разговор относительно полученных от Литвинова директив о Балканском пакте. В результате беседы Рюштю-бей обещал следующее: 1) он внесет специальную декларацию, которая будет основной частью пакта, что «Турция ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в выступлениях против СССР»; 2) он сделает особое заявление, что Турция «не останется безучастной при выступлении какой-нибудь балканской страны». «Турция, — заявил Рюштю-бей, — не может допустить уменьшения или ослабления европейской части своей территории, ибо это ставит под удар проливы и преследует тенденцию изгнать турок из Европы, к чему стремится Болгария при покровительстве Англии»; 3) в пункте 8 протокола будет сказано, что признание границ касается лишь балканских границ. По словам Давтяна, Рюштю-бей «всячески пытался рассеять наше недовольство пактом»⁸⁹.

Учитывая отрицательную позицию Советского правительства в отношении Балканского пакта и участия в нем Турции, 8 февраля совет министров Турции под председательством Кемаль-паши рассмотрел советское заявление и принял решение подписать пакт лишь при следующих условиях: 1. Уточнение понятия балканских

⁸⁶ ДВП. СССР, № 47, стр. 1118.

⁸⁷ ДВП СССР, т. 17, примечание 49, стр. 776.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ДВП СССР, т. 1, № 49, стр. 126—127.

границ. 2. Исправление ст. 8 путем вставки перед словом «границы» слова «балканские». 3. Принятие без изменения предложения Литвинова, изложенного в телеграмме от 6 февраля 1934 г.⁹⁰

9 февраля 1934 г. посланник Турции в Герции передал Давтяну тексты документов, подписанных 9 февраля в Афинах и оформивших Балканский пакт. Эти документы включали в себя: текст пакта, дополнительный протокол, в котором ст. 8 была изменена следующим образом: «сохранение территориального порядка, установленного в данное время на Балканах, является окончательным для договаривающихся сторон»; заключительный протокол, в котором разъяснялось, что под этим подразумеваются только границы между балканскими странами; декларацию Рюшту-бея, являющуюся составной частью пакта, что «ни в коем случае Турция не будет обязана принимать участие в каком-либо действии против СССР»⁹¹.

Однако даже после этой декларации турецкая дипломатия распространяла ложные слухи о том, что советская пресса дала благоприятную оценку пакту. Эту «утку», по словам Давтяна, распространяли в Афинах «румыны, очевидно, при содействии Рюшту». 14 февраля Давтян заявил греческому министру иностранных дел Максимосу, что «отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, то это не значит, что мы его одобряем. Участие Турции в ее декларациях опраждает наши интересы, но мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов всеобщего мира и умиротворения Балкан»⁹². По словам Давтяна, на вопросы о позиции Италии и Англии по отношению к пакту Максимос «ответил довольно уклончиво. По его словам, Италия не против пакта, хотя и не в энтузиазме от него. То же, мол, и Англия». На новый вопрос, как же Максимос объясняет «коммунике местного английского посольства (о неодобрении Англией Балканского пакта), Максимос ответил, что оно является гаффом (неловким поступком) местного английского посланника. Конечно, — резюмировал Давтян, — это было не так»⁹³.

Советское правительство в условиях усиления военной опасности решительно боролось за сохранение мира в Центральной и Юго-Восточной Европе, выступало за расширение политических и экономических связей с балканскими странами. Вместе с тем советская дипломатия твердо и решительно защищала интересы Советского Союза, давала решительный отпор антисоветским проискам капиталистических держав. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVII съезде партии 26 января 1934 г. указывалось:

⁹⁰ ДВП СССР, т. 17, примечание 17, стр. 767.

⁹¹ Там же, № 51, стр. 129—130.

⁹² ДВП СССР, т. 17, № 56, стр. 146.

⁹³ Там же.

«Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами». В то же время в докладе подчеркивалось: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира, но мы не боимся упроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны»⁹⁴.

Классовая оценка Балканского пакта была дана и коммунистическими партиями балканских стран. В совместной декларации ЦК компартий Румынии, Болгарии, Греции и Турции, изданной в связи с подписанием пакта, подчеркивалось, что Балканский пакт «является, в действительности, только эпизодом в лихорадочной перегруппировке империалистических сил в капиталистическом мире». Декларация расценивала возникновение Балканской Антанты «как временный успех французской политики на Балканах против Италии, против Германии, против Англии, против империалистических требований Болгарии...»⁹⁵

⁹⁴ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, стр. 14.

⁹⁵ Declaration of the Comm. Part. of Rumania, Yugoslavia, Bulgaria, Greece and Turkey on the Balkan Pact. — „International Press Correspondence“, 4 May 1934, vol. 14, N 27, p. 692—693.